

Март Николай Яковлевич

**Избранные работы Н. Я.
Март. Академия наук СССР,
Государственная академия
истории материальной
культуры**

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Яковлевич М.**
Избранные работы Н. Я. Марр. Академия наук СССР, Государственная академия истории материальной культуры: Том 4 / Марр Николай Яковлевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 334 с.

ISBN 978-5-519-95545-4

ISBN 978-5-519-95545-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

От редакции

Выпуском настоящего четвертого тома заканчивается начатое еще при жизни Н. Я. Марра издание первого пятитомника его избранных работ.

В состав четвертого тома включены опубликованные работы Н. Я. Марра, самые ранние из которых относятся к 1926 году, а самая поздняя к 1931 году. Работы эти охватывают языки от абхазского у берегов Черного моря до китайского на Дальнем Востоке, от египетского и берберского на севере Африки до языков индейцев Северной Америки, от живых нацменовских языков — бретонского и баскского в Западной Европе до мертвого шумерского языка в Месопотамии. Несмотря на все разнообразие вопросов, рассматриваемых в этих работах, они объединены одной общей идеей исторической взаимосвязи языков всего мира, «единства глоттогонического процесса».

Том выходит под общим названием «Основные вопросы истории языка».

Указатели, данные в конце тома, составлены В. А. Миханковой.

СПИСОК ОПЕЧАТОК

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
189	5 снизу	pet-q	pēt-q
261	15 снизу	gonst kond	gonst, kond
282	2 кол., 4 снизу	150, 151	149, 150
286	2 кол., 19 сверху	ḡalaḡun	ḡalaḡun
287	2 кол., 9 сверху	qaylal	qaylel
287	3 кол., 12 снизу	arūcto	armto
292	2 кол., 11 сверху	224	261

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Из Пиренейской Гурии¹

(К вопросу о методе)

Я никак не верил, что в наши дни могут происходить чудеса. А оно произошло одно такое чудо.

С вечерним поездом выехали мы из Парижа на место моей командировки по лингвистической проблеме, поставленной как конкретная задача и разрабатываемой материалистически впервые яфетической теорией. Это проблема об едином глоттогоническом процессе, т. е. об едином процессе созидания звуковой речи человечества, в результате чего приходится в корне иначе воспринимать факт существования многочисленных народов, принимаемых ныне за чуждых друг другу по языку. Это народы с языками различных эпох языкотворчества, как оторванные, следовательно, от центра массового производства на различных ступенях развития речи и разбросанные по всему миру, по всей древней Африке, да со включением новых частей света, Австралии и Америки. Естественно, эти народы говорят на родственных языках со связями «родства» различных соизмерений. Надеюсь, мне не припишут мысли о происхождении языков от единого праязыка. Мы против не только существования единой прародины конкретных языков, как они действительно существуют в своей жизненной полноте без абстракции, тем более против такого детски упрощенного восприятия, как праязык... праязык человеческой речи. Мы против существования каких-либо праязыков и у отдельных группировок человеческой речи, так называемой индоевропейской, семитической, или группировок более мелких, напр., в круге индоевропейском — славянской, германской, романской. Мы в этом отношении и против подобного восприятия яфетической группировки: это условное название того порядка, как в геологии 'третичный', 'четвертичный' и т. п. термины, обозначающие различные эпохи и периоды геологических образований. Только мысль, оторванная от материально существующей действительности, может допускать, что родство русского языка с германским происходит из общего праязыка и более того, хотя бы то, что у русского с чешским или польским или у французского с испанским будто одно происхождение, позволяющее строить их праязыки, праязык романский, праязык славянский и т. д., не говоря о научнейшем сочиненном общем индоевропейском праязыке. Такое основанное на недоразумении утверждение есть достояние старого учения об языке, учения, господствующего по сей день во всех школах всех ступеней, и высшей, да и наивысшей, конечно, притом всех стран, даже у нас. Этому учению присуще и расовое деление языков, поскольку остается презумпция, что каждая крупная группировка языков, предполагается, имеет свою прародину и свой праязык, независимый от языков иных по происхождению групп и их праязыков. Соответственно каждый специалист (это уже факт, не подлежащий оспари-

¹ [Вышла отдельной брошюрой-оттиском в 1928 г. в серии издания КИАИ — ИКИИ, т. V.]

ванию) работает в своем приходе, замыкает углубленные изыскания в своем колоде, и чем глубже при такой постановке дела он мнит себя проникающим в глубины, тем больше уходит от белого света, от материального мира реальности и тем безнадежнее удаляется от действительно в головокружительных глубинах обретающихся источников. Этот изолятивный подход к изучению человеческой речи, с неизбежным упиранием в завещанные расовые, племенные и национальные первоособы (на самом же деле позднее возникшие) есть, может быть, также вполне реальное явление, как политический или как националистический постулат, но не имеет ничего общего с потребностью человечества, независимой от наших пережиточных взглядов или взглядов пережиточной общности, строить объективно науку об языке. Лишь в зависимости непосредственно от самих материалов, общих у всего человечества, можно строить общее учение о звуковой речи. Это и является предметом занятий нового учения об языке, яфетической теории. В процессе ее разработки и возникла перед нами проблема, ставшая задачей нашей научной командировки. Об яфетической теории не приходится говорить, по крайней мере перед читателем русской (я бы позволил себе прибавить в известной осведомительной мере также грузинской, армянской) специальной литературы. Кое-что просочилось также в турецкую литературу, а по связи с нею, да и непосредственно — в молодую чувашскую литературу. Азербайджанский университет в Баку первый издал только-что вводный курс по общему учению об языке согласно яфетической теории.¹ Во всяком случае, там, где статья предполагается к напечатанию, можно произносить небезбранно термин «яфетический»... Но вот надо разъяснить во избежание того, как бы последующее не было принято за личное мое переживание во сне. Я выехал с вечерним поездом из Парижа не один, а в сопровождении постоянной сотрудницы моих научных поездок, кроме местности, которая запретна для женщин, именно Старого Афона, — научной сотрудницы, выполнявшей и в этот раз необходимые справочные технические работы. И, тем не менее, выехав из Парижа на юг Франции к Пиренеям и достигнув утром после Молеона села Тардец, мы оказались перед чудом... мы оказались на Кавказе в Гурии, а, следовательно, у себя на родине, где бывала не раз и моя сотрудница, и мы пережили совместно эти первые впечатления от окружающей природы и материального быта. Маленькая Гурия по разнообразию физической природы велика. Имеется в виду восточная горная часть Гурии, с конечной восточной областью — Суревской, которая за перевалом на том склоне гор находится в стыке с Ахалпихом, уже в пределах бесспорного древнего грузинского Самцхе, или Месхии. Занимаясь в Тардеце, на веранде, местным наречием, я не мог отвязаться от мысли, что шумящая внизу горная река — это родная мне Супса, что в картине горного пейзажа какие-то странные при опросе названия, вроде *Chapeau de gendarme* и др., это лишь замена интимно известных мне по нашей деревне возвышенностей вроде Кудун-ет'а, появление на котором облаков — это метеорологическое предзнаменование, к погоде ли или к непогоде идет дело. Меня меньше удивило,

¹ [Н. Я. Марр, Яфетическая теория, Баку, 1928 = ИР, т. II, стр. 3—126.]

что подальше красуется *ric d'Anie*. Кругом кукурузные пашни. Перехожу по мостам, тем же, что близки мне по соседнему с Гуриею Имерхеу. Кругом родная растительность. Вот неперебиваемое точно по-русски растение вроде ежевики *makval* (მკვალ) с названием, как известно теперь из палеонтологии речи, восходящим к архетипу **mar-kval*, двойнику грузинского термина *mar-šval* (მარჭვალ) 'зерно', и мы вполне миримся с тем, что эту дикую «ежевiku» здесь называют *mar-hu-ga* (по другим наречиям — *mariga*): ведь чанское (на Кавказе) ее название *mirg-i* нисколько не ближе, не роднее. Особенно мы были поражены культивированием здесь бобовидного зерна, по-гурийски *qantkola* (ყანტკოლა); но вопрос о нем и «лоби» (по-испански *alubia*) с его разновидностями — предмет целого трактата об общности терминов растительной пищи в этой иберийской полосе Европы и Кавказской Иберии, я обхожу молчанием, как и исключительно благодарную языковедную тему о 'винограде', 'саде', 'лозе', 'вине' и т. д. Сказать разве, что здесь еще помнят, когда виноградная лоза пускалась на деревья совершенно так же, как в Гурии у нас, и вытеснила ее низкорослая после уничтожающей болезни милдьюма и сателитов. Здесь, как в Гурии, пользование закрученной лозой в роли каната, в Гурии *tiŋeq* (წიწეკ) от *tiŋ* 'круг' (сохранилось у армян), у грузин *tiŋ* (წიწი) с перестановкой вместо *tiŋ* того слова, что у басков в основе *seg-u* 'небо', в Пиренейской Гурии название *qot-boŋuŋa*, имеющее такую же историю по связи 'круга' с 'небом', 'солнцем' и т. п. Правда, по пути в ближайшие села несколько странное в первый момент ощущение: знакомый или незнакомый, стар он или млад, все одинаково приветливо здороваются, но я лишь переношусь в Гурию моего даже не детства, а юношеских лет, когда европейское просвещение не считало еще этих вежливостей, в людях было больше не только знания взаимного, но и доверия друг к другу и понимания даже встречного незнакомца без заглядывания в его паспорт. В этом отношении здесь глубже сохранилась старина, понимание здешних гурийцев распространяется и на животных. В эпоху процветания Самцхийского атабегства (ведь это не так давно, в XIV—XV веке), а, может быть, значительно позднее, не сомневаюсь, то же самое явление интересующийся мог бы наблюдать и в Кавказской Гурии. Более того, вероятно, вина моей наблюдательности, что в впечатлениях от Кавказской Гурии у меня нет воспоминания о подобном факте, случае с пастушеской собакой, хотя приходилось многократно быть свидетелем, как пастухи-мегрелы гнали на наши гурийские пастбища не одно стадо овец и коз почти мимо ворот нашего двора или через поле, на котором мы, детишки, играли в мяч. А здесь факт, когда не читаете или слышите о нем от другого, а сами свидетели, поразительный, а для лингвиста, может быть, и поучительный. Пастух гнал с гор со стороны Олорона через село Тардец несколько десятков белых баранов. Собственно, гнали два индивидуума: он, пастух, да с ним маленькая собачка, величиной с локоть. Втиснувшись с площади мэрии в узкую улицу, дорогу в село *Trois villes* (про которое, кстати, современные путеводители ничего большего не умеют рассказать, может быть, и по вкусу просвещенной публики, что это место, откуда происходит граф Tréville, герой романа Дюма «Три мушкетера») и далее в Молеон, бараны пошли ускоренным шагом вперед, подгоняе-

мые сзади лишь собачкой, так как пастух направился в лавку по делу. Зная, что бараны могут уйти чересчур вперед, пока он будет занят в лавке, пастух позвал собачку и дал ей поручение, излагая свое желание звуковой речью. Собака, послушно прибежавшая на зов пастуха, безмолвно выслушала его до конца и сорвалась с места, где стояла перед говорившим с нею хозяином, сорвалась, как только пастух, ее хозяин, закончил изложение своего поручения, повернулась в сторону только что покинутых ею баранов и, пустившись к ним стремглав, обошла их и, забежав вперед, также безмолвно стала перед баранами и остановила их. Этого мало. Простояв время, достаточное, чтобы видеть, как бараны ее поняли и вперед уже ни шагу не сделают, что, действительно, и случилось, собачка, заметив пастуха на пороге лавки, побежала доложить ему об исполнении поручения. Попутно не могу воздержаться от вопроса: необходимо ли единое расовое происхождение собачки и пастуха, чтобы объяснить бесспорную общность их речи, согласованность их взаимного понимания в довольно сложном деле? Или это еще не речь, а для производства речи сначала возникает чистая раса, использует полученную от природы звуковую систему, выработает закономерно морфологию определенного (не предусмотренного ли? предопределенного, если не высшим существом, то самим ученым?) типа, что составляет единственный предмет серьезного исследования для старого учения об языке, учения исключительно формального, и затем сочинит слова по соображениям, одобренным мышлением общественности XX века, попутно опираясь на их употребление в основе одинаково с ним мыслящих древних и позднейших писателей, слова, оказывается, не имеющие столь существенного значения в истории происхождения и развития речи, а с ними ненадежные, мол, и в обосновании родства языков... Но не забудем, что мы находимся в Гурии, где не только так называемая доистория человеческой речи, но и средневековые с христианским культом дает громадный, девственно непечатый материал для отождествлений. Вот хотя бы обитель S-te Engrâce, с архитектурным памятником десятого века. Ведь в Пиренейской Гурии (не уступит она Кавказской) христианское строительство датируется временем донапской Галлии. История основания здешних христианских святынь столь похожа на истории построений или позднейших переживаний церквей в Грузии, напр., в Мопамете, или в самой гурийской ее части, напр., в Шемокмедском монастыре, что существование одного общего источника этих легенд не может подлежать никакому сомнению, и источник этот не всегда христианская легенда в основе, а ее языческий праобраз. И это в такой степени, что, читая сулетинский диалектический редкий текст, слово о святом Грате, историческом лице, епископе этой же епархии, не раз подвергался я соблазну тип народного святого возвести к герою эпических сказаний, сказаний еще доисторического населения Западной Европы, вроде Гаргантюа, которого французы застали уже перерожденным в комическую фигуру и зафиксировали в свой литературный образ, как к тому нас ведут изыскания В. Ф. Шишмарева (к сожалению, приостановленные не по его вине), или вроде Граля, в сказаниях о котором академик А. Н. Веселовский находил яркие точки соприкосновения с переднеазиатской восточной литературой и легендой, сирийской, арабской и, в частности,

кавказской, грузинской. Дело для нас теперь ясное (думаю, и для романистов нашего по мышлению поколения), но не в писаной литературе или легендах, восточной или, в частности, кавказской, оно коренится и не в яфетической почве Кавказа, а в яфетической подпочве Западной Европы, особенно сильной там, где дольше и сильнее пережили народы той стадии развития человечества, яфетической, где пикты на глазах нашей писаной истории сменены были так называемыми индоевропейцами, а их сородичи баски по сей день здесь еще живы, да только в наши дни начинают по-баскски распевать то, что распевалось в Гурии, этой органической на Кавказе части, подавленной блестящим письменным засвидетельствованным историческим культурным прошлым Грузии, еще накануне революции 1905 года: სკვარელა ზეზის, ზეზის, т. е. «Грузия наша, наша». Здесь лишь в книжке, вышедшей за прошлый год, — книжке басен (Alegiak), стихотворных произведений баскского поэта Ачобия (Añobi), иллюстрированных баскскими художниками, находим повторение того же мотива, это в предпосланном басням послании к другому баскскому писателю.¹ Это четверостишие, гласящее (стр. 9):

Eztiz eztitzeko,
Ezkoz argitzeko,
Ezkuara gurea,
Ezkuara maitea.

В яфетидологической и грузинской транскрипциях:

Estis estizeko,	ესტის ესტიცეკო,
Eskos argizeko,	ესკოს არგიცეკო,
Eskwara gurea,	ესკვარა გურეა,
Eskwara maitea.	ესკვარა მაიტეა.

Что значат в переводе, предлагаемом здесь и по-грузински, ввиду возможности сохранения большей близости к оригиналу:

Слаще меда,	თაფლზე უტეპესო.
блестящее свечи восковой,	თაფლის სანთელზე უბრწყინვალესო,
наш эсқварский язык,	ჩვენს ესკვურს,
дорогая Эсқвара.	საყვარელა ესკვრს.

Я имею в виду близость смысла, а не созвучий слов, поскольку, например, maitea, диалектически mautila, значит буквально то же, что груз. საყვარელი (sakvarelo) 'возлюбленный', но в смысле 'дорогого', или 'восковая свеча', как предмет сравнения яркости и чарующего света, в грузинском переводе больше сохраняет силу, не говоря о невозможности в русском передать особой формой прилагательное для обозначения 'языка', а не 'лица', по-баскски — суффиксом -ага (-sа), по-грузински -ul (-ულ), собственно, -ურ (ur).² Основа здесь первично

¹ Издано в Байонне.

² I вм. г при втором г в слове, как то встречаем и в сулетинском наречии баскского.

ewsk (ɟʒʲɟ), с раздвоением губного гласного (фонетическим явлением, переданным впоследствии кое-каким романским языкам с их отнюдь не первородным diphthongaison'ом) вм. osk, или usk, как восстанавливал я теоретически и как оказалось существующим в сулетинском в виде usk, в их диалектическом произношении ūsk, т. е. с произношением и «по-французски» (конечно, до французов). Препреждаю против созвучий именно потому, что в третьем стихе gugea можно принять за Гурию (такие недосмотры систематически возникают у индоевропейцев со словами греческими, латинскими, французскими, поскольку они представления не имеют об их доисторическом состоянии), тогда как это родительный с отношением местоимения gu 'мы', т. е. того же самого местоимения, которое у грузин служит, — впрочем, как и у басков, — префиксом первого лица мн. числа в глаголах, в виде ɟʒ- (gu-) в древнелитературном и ɟʒ- (gv-) в «современном», вообще в народном. Этого мало: баскский родительный с отношением выражен окончанием родительного падежа -ге, эквивалентом мегрело-чанского -ше (-ʃɟ) и халдского вавской клинописи также -ше и тождественного с армянским окончанием -ге также в местоимениях (полно, в частности, у местоимений неопределенных, усеченно в виде г и у других местоимений, да и в именах); что же касается остающегося конечного гласного «а», баскского показателя отношения, то это тот же самый элемент, местоименный, что грузинский гласный «а» в родительном с отношением, здесь служащий для образования так называемой эмфатической формы родительного падежа.

Однако мы увлеклись никому ненужной научной прозой, разбором баскской формы, да еще сухим грамматическим разбором, даже не палеонтологическим анализом. Мы же чувствуем себя не в Баскии, а в Гурии. Это чувство или, пожалуй, и осознание факта, в нас усилилось, когда за обедом в гостинице у наших хозяев, называемых басками, выявился и вкус гурийский. Особенно нас поразило гурийское приготовление курицы. Со вкусом, общим с гурийцами, пошли бы и далее не только по части пищи, да напитка, но и забав, в первую голову — игры в мяч, затем также пения, музыки, но и хозяйственных построек, архитектуры: по мостам мы не то в Имерхеве, не то скорее в Свани, по настоящим баскским церквям, двускатным, мы точно в Имерхеве. Но здесь дело более сложное, как и в вопросе о соматическом виде: поразительный подбор красивых, именно статных женщин, но женский тип склада не только гурийского, но и мегрельского. Вопросы эти сложны по скрещению подсудного материала, да они и не круга моих сейчас интересов, а мне хотелось бы хоть набросать в общих чертах, почему лингвистически также мне могло показаться основательно, и без чуда, что, выехав из Парижа скорым поездом, попали мы прямо в Гурию на Кавказе, в Грузии, когда на самом деле находимся во Франции, у так называемых французских басков, именно в районе сулетинском, или, короче, сулском. Разве это не чудо, действительно, поразительное явление, когда среди говорящих на, казалось бы, чужом мне языке я чувствую себя точно в окружении родной грузинской речи? Да иначе как может быть, когда совершенно так же, как в грузинском, фразу «какую ты имеешь *руку*?» они понимают по-нашему, по-грузински, в смысле «какое у тебя *право*»? Еще лучше, когда подобно употре-